

2

С Л О В О

Пятница, 4-го (17-го) апрѣля 1908 г. № 423

ПРЕДВѢСТНИКЪ ЧЕХОВА.

(Къ тридцатилѣтнѣю кончинѣ В. А. Слѣпцова).

Василій Андреевичъ Слѣпцовъ...

Когда-то, еще сравнительно недавно, такъ много говорившее, а теперь почти забытое имя. Оно связано съ той яркой полосой общаго подъема и оживленія русской жизни, которая вдругъ венушнута послѣ вѣкового застоя.

Словно огни маяковъ загорѣлись на непривѣтливомъ просторѣ русского моря... На одномъ изъ такихъ маяковъ зажечь свой огонь и Василій Андреевичъ Слѣпцовъ.

Сынъ своего времени, онъ взялъ отъ него все лучшее и отдалъ все то, что самъ имѣлъ...

Университетскую аудиторию, вѣрный духу времени, онъ промѣнялъ на вольное раздолье деревенскихъ полей; лекцій и книги—на страннической путь съ котомкой за плечами. Въ числѣ первыхъ пионеровъ, откликнувшихся на призывъ «въ народъ!», былъ и Слѣпцовъ.

Среди странствованій изъ города въ городъ, изъ села въ село, по пыльнымъ дорогамъ и убогимъ деревнямъ, Слѣпцовъ непосредственно изучалъ бытъ и нравы и весь укладъ русского крестьянства.

Первые рассказы Слѣпцова явились отзвукомъ наблюдній изъ его скитаній. Это—ярко-красочныя картины быта, и въ нихъ уже чувствуется тотъ особый взглядъ автора, который такъ полно и своеобразно отразился въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Котомка сброшена—Слѣпцовъ въ Петербургѣ. И тутъ онъ успѣлъ какъ-то сразу, быстро занять выдающееся положеніе. Его имя извѣстно уже въ передовыхъ литературныхъ кругахъ; оно—одно изъ самыхъ популярныхъ именъ среди молодежи. Воспоминанія близкихъ Слѣпцову лицъ одинаково дружно говорятъ объ его обаятельной личности.

Богато одаренная натура Слѣпцова разбрасывается во всей своей многогранной красотѣ. И это «разбрасыванье» не прошло даромъ. Главное—литературная дѣятельность, на поприщѣ которой Слѣпцовъ былъ не только званымъ, но и избраннымъ, отходить какъ-то на второй планъ. Писать приходится мало, урывками.

Небольшой томъ сочиненій—вотъ все, что осталось на память потомству отъ многообѣщавшаго дарованія. Повѣсть «Трудное время» и романъ «Хорошій человѣкъ» такъ и остались недописанными. Не хватало времени, а тутъ подошла бо-лѣзнь, и началось медленное угасаніе.

Вблизи Сердобска, въ имѣніи матери, закончилась жизнь Слѣпцова въ 1878г., и только много позднѣе въ жалкомъ московскомъ изданіи появился томикъ его на удачу выхваченныхъ произведеній, лѣтъ черезъ пять-шесть дождавшийся, наконецъ, болѣе приличнаго отношенія издателей къ автору.

Теперь Слѣпцовъ забытъ, но перелистать страницы слѣпцовскихъ очерковъ и рассказовъ до сихъ поръ еще можно съ нѣжной теплотой воспоминаній о быломъ.

Это было, несомнѣнно, крупное дарованіе, за него говорить все: и сжатая рельефность характеристикъ, и обороты мѣт-каго стиля, причудно-капризнаго и своеобразнаго. По народнымъ рассказамъ Слѣпцова трудно представить истинную картину прошлаго: въ нихъ больше видно, чѣмъ хотѣлъ авторъ, чѣмъ то, что было на самомъ дѣлѣ. Эта тенденціозность, отсут-

ствіе художественной правды обезцѣни-ваютъ слѣпцовскій народный жанръ. Но тамъ, гдѣ онъ является свободнымъ на-блюдателемъ, не втискивая свое дарованіе въ прокрустово ложе тенденціозныхъ из-мысловъ, онъ живъ, оригиналенъ, остро-уменъ и ярокъ.

Такія, напримѣръ, сцены, какъ «Въ вагонѣ», «Въ больницѣ», по своей сжато-сти и образности напоминаютъ Чехова въ его первыхъ рассказахъ. Слѣпцовъ былъ его первымъ предвѣстникомъ. Но Чеховъ былъ великій художникъ, Слѣпцовъ былъ лишь только талантливый мастеръ. Одинъ бралъ жизнь вширь и вглубь, другой оставался на поверхности.

Бдкій юморъ, проія, доходящая до сар-казма, постоянно чувствуется въ произве-деніяхъ Слѣпцова. Ими окрашена вся повѣсть «Трудное время». Страницы этого романа до сихъ поръ не потеряли своей остроты и жгучести.

Остался въ полной неприкосновенности основной мотивъ романа—погибѣніе о хорошихъ людяхъ, которымъ суждены бла-гіе порывы, но выше всего для нихъ уст-ройство личнаго благополучія подъ при-крытіемъ громкихъ «пустозвонныхъ» фразъ.

Личное благополучіе—идеалъ жизни, и на него направлено все: умъ, дарованія, энергія и жаръ сердца и души. Объ этомъ личномъ благополучіи всего менѣе забо-тился самъ Слѣпцовъ.

Онъ жилъ словно птица, не думающая о завтрашнемъ днѣ. Кипѣлъ, горѣлъ и угасъ на рубежѣ тридцати девятаго года жизни инвалидомъ, преждевременно выби-тымъ изъ колеи...

Н. Н.